

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ОСЕНЬ СО ШРАМОМ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на переплете *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Осень со шрамом / Валерий Шарапов. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-243667-3

Вернувшись с фронта, капитан Павел Журбин устраивается на работу в уголовный розыск. И сразу же подключается к поиску банды, терроризирующей город. За короткое время ограблены отделение госбанка, секретная лаборатория, лесопилка. И в каждом случае — жестоко убитые свидетели. Под подозрение оперативников попадают те, кто сотрудничал с немцами в годы войны. Однако при тщательной проверке у всех подозреваемых оказывается алиби. Изучая вещдоки с места преступления, криминалисты выявляют особую примету, судя по всему принадлежащую главарю банды. Павел вспоминает, что уже встречался с этим человеком, и решает в одиночку проверить свою догадку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243667-3

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ночь была бессонной, черти лезли в душу. Души-ли видения, какие-то бредовые галлюцинации. Сыростью тянуло отовсюду — от стен, из щелей в оконных рамах толщиной с палец. Павел вертелся на сырой простыне, искал удобную позу, чтобы уснуть — без кошмаров, приветов из прошлого, чтобы боль в искаленном голеностопе не растекалась «блаженной негой» по всему туловищу. Нашел — но ненадолго, снова кувыркался в недавнее прошлое, искаженное, карикатурное. Выли, падали мины, сыпалась земля, разлетались, как щепки, бревна блиндажа. Он летел в пронзительно-синее небо, навстречу солнцу — там вроде не стреляли, ничего не взрывалось. Дергал за рукав летящий рядом Юрка Синельников, старший лейтенант, лучший фронтовой друг, орал как подорванный:

— Пашка, мать твою, ты куда?! Это меня убили, а не тебя! Возвращайся, когда-нибудь еще свидимся!

Он барахтался в каком-то густеющем киселе, выл от боли. Его откапывали, тащили на носилках. Ино-

гда возвращалось сознание — но вместе с ощущением, что это не его сознание, подброшенное! Рев пикирующего «мессершмидта» сменялся пиликаньем немецкой губной гармошки. Из забытья вырывали приступы боли. Над ним склонялось лицо доброго советского военврача — хотя, если присмотреться, не такое уж доброе... Обрывки каких-то неприятных высказываний: «Отвоевался, дружок», «Тяжелая контузия — это, парень, теперь твое навсегда...», «Осколок из кости удалили, но перспективы... не знаю, не знаю...» Что уж тут не знать? Остаток жизни будешь жить, товарищ капитан, с больной ногой и дурдомом в голове...

Лодыжку свело судорогой — почему-то здоровую. Он сбросил обе ноги с кровати, привычно взвыл от боли. Мутное пространство двоилось, покачивалось. Старая мебель, ободранные стены, закрытая балконная дверь напротив. Если откроешь, то вся городская сырость и запахи — твои. Состояние было муторное, во рту кисло, сна — как и положено посреди ночи — ни в одном глазу. Павел натянул штаны, забрал с тумбочки папиросы, спички, побрел курить на балкон. Надрывно, словно жаловалась на что-то, скрипела балконная дверь. Сырость ждала у порога, потекла в квартиру... Он стоял на пустом балконе, опираясь на перила, жадно втягивал дым, стараясь перебить кислоту в горле. Двух-, трехэтажные домишки жались в кучку, иногда разбегались, образуя дворики, глубокие подворотни, насыщенные кошачьими и человеческими ароматами.

Половина зданий здесь была в аварийном состоянии. Но люди жили — при любом режиме, стойко перенося жилищно-коммунальные трудности. Район улиц Вербинной и Гаперной смутно напоминал одесскую Молдаванку — та же стесненность, вечный шалман, переплетение балконов, пожарных лестниц, бельевых веревок...

Боль в ноге понемногу утихала, в голове уже что-то брезжило. Пробуждалась тоска — постоянный жизненный спутник. Борьба с ней шла с переменным успехом, старался не пить — по крайней мере, много. Павел смотрел на хмурое небо, на убегающие вдаль ободранные крыши. Он проживал в двухэтажке на втором этаже. Обернувшись, можно было коснуться козырька крыши — и даже вскарабкаться на нее, отойти подальше, чтобы не упасть, и проорать во все горло: «Где я, люди?!»

Нет, с этой дурью надо бороться. Он, капитан милиции Павел Журбин, находится в родном Белецке — старом белорусском городе в ста пятидесяти километрах от польской границы. Вернулся неделю назад. Проживает в квартире родителей, скончавшихся во время оккупации. Завтра выходит на новую работу — вернее, уже сегодня. Все прекрасно, лучше не бывает. Четыре месяца назад закончилась самая страшная война в истории человечества. Четыре дня назад, 2 сентября, империалистическая Япония на борту американского линкора «Миссури» подписала безоговорочную капитуляцию. Еще бы не подписала — месяц назад атомная бомба прилетела по баш-

ке — даже две. А Павел Журбин живет в счастливой стране-победительнице. Впрочем, не всегда, особенно если присмотреться, эта страна похожа на победительницу...

Протяжно заскрипела дверь соседнего балкона, из квартиры вывалился невысокий шуплый мужик в тельняшке и трико с пузырями на коленях. Волос на голове осталось немного, и все стояли дыбом. Субъект был какой-то нервный, костлявые конечности судорожно перебирали перила. Лицо в полумраке едва проступало — может, и к лучшему.

— Привет, ты кто? — хрипло выдохнул субъект.

— Живу тут, — лаконично отозвался Павел. — И тебе привет... прекрасное видение.

— О, и я тут живу, — обрадовался сосед. — Кузьма я... — он как-то замешкался.

— Прутков, — подсказал Журбин.

— Не... Стелькин я... Закурить дашь, сосед?

— Можно. — Павел перебросил поочередно на соседский балкон папиросы и спички. Сосед ничего не поймал — руки тряслись, подобрал с пола. Кое-как закурил, испортив пару спичек, затаился, закашлялся. Справился с приступом, оперся на перила.

— Не вернешь? — спросил Павел.

— А, точно... — Кузьма неохотно перебросил обратно табачное хозяйство. — Слушай, сосед... — в голосе говорящего заиграли просительные нотки. — У тебя выпить есть?

— Нет. Какое выпить, Кузьма? Спать иди — два часа ночи.

— Да знаю я, не могу... — Мужичка, похоже, основательно скрутило. — Ну, налей, жалко тебе, что ли?

— Сказал же нет, Кузьма, не держу в доме алкоголя. Иди спать. И бросай это дело, пока до греха не довело.

— Да брошу я... Слушай, сосед, может, деньгами богат? Рубликов тридцать, больше не надо... Ну, сорок... Я отдам, гадом буду, зуб даю... Вот у любого спроси: разве Кузьма кому-то не возвращал долги?

С соседом, похоже, подфартило. Странно, неделю здесь живет и до сих пор не встречались. А такой, судя по всему, колоритный персонаж...

— Ты где прятался последние дни, Кузьма? Почему не виделись?

— Так это самое... — Сосед облизнул пересохшие губы. — Менты, козлы позорные, на пятнадцать суток закатали... а я вот в чем был виноват?

— Понятно, — Павел усмехнулся. С соседом подфартило просто бескрайне. В темноте матово отливала блатная татуировка на шее. Хорошо еще, что не борзый.

— Так как, мужик, дашь денег? — с надеждой вопрошал Кузьма. — Ну, в смысле, займешь?

— Так магазины же закрыты, ночь на дворе, куда побежишь, приятель?

— Мое это дело, мужик, знаю, куда пойти, ты только дай...

— Нет, Кузьма, извини, денег нет и не будет. — Павел нагнул, опустил окурок в банку. — Хо-

чешь — обижайся, хочешь — прими как должное. Спать ложись, а утро вечера мудренее.

Он ушел с балкона, плотно прикрыв дверь, а Кузьма за бортом продолжал что-то говорить, просил, срываясь на визгливые нотки.

Насилу удалось заснуть и проспять остаток ночи. Могло быть хуже. Он с незажженной папиросой в зубах блуждал по квартире, включал газовую горелку под чайником, выволок из кладовки неподъемный уют. Кухонное радио настойчиво предлагало провести физическую зарядку, но Журбин эти призывы игнорировал. Он угрюмо разглядывал себя в зеркало, прежде чем выйти в свет. Одетый в форму — темно-серый, ближе к черному, суконный китель со стоячим воротом, такого же цвета галифе, на плечах погоны. Сияли надраенные ваксой сапоги. Широкий затертый ремень, портупья. «Бестолковку» прикрывала фуражка с синим околышем. В сером лице, в тусклых глазах — никакого энтузиазма, стремления переделать мир, искоренив в нем преступность. Только усталость, безнадежность, какая-то пугающая покорность. Вроде не старый, каких-то тридцать шесть лет, но иногда казалось, что прожил долгую бессмысленную жизнь, которая все течет и никак не может вытечь...

Он окинул взглядом обветшавшую квартиру с отслаивающейся штукатуркой, толкнул входную дверь — такую же трухлявую. Когда закрывал ее на ключ, отворилась дверь напротив, на площадку вы-

валилось давешнее недоразумение по имени Кузьма. При дневном свете он краше не стал, ранние морщины полосовали лицо. Одет был точно так же, как ночью, только сверху набросил затертый пиджачок. В глазах алкоголика застыла практически библейская мольба всего пьющего человечества.

Он выкатил испуганные глаза, обнаружив на площадке человека в форме. Павел смотрел на него со всей строгостью закона. Кузьма открыл рот, чтобы что-то сказать, но забыл, что хотел, и закрыл.

— Доброе утро, Кузьма, — вкрадчиво поздоровался Журбин. — Вот видишь — не выпил и ничего страшного не произошло.

— Это ты... — Кузьма запнулся, затравленно забегали белесые глаза. — А это чего?.. — Он не стал продолжать, кивнул на форму.

— На бал-маскарад поеду, — объяснил Журбин. — Ты просто счастливчик, Кузьма, теперь у тебя соседом будет оперуполномоченный уголовного розыска. Неужели это не здорово?

— Ух е... — просипел Кузьма и начал бочком двигаться обратно в квартиру.

— Стоять, — сказал Журбин. — Руки вверх.

Сосед машинально вскинул костлявые конечности.

— Опустить, — поморщился Павел. — Шутки не понимаешь? Да расслабься ты, чудак, я же твой сосед, а не тюремный надзиратель. Сколько тебе лет, Кузьма?

— Тридцать шесть... — просипел «счастливчик».

— И мне тридцать шесть, — удивился Журбин. — Что-то не припомню тебя, дружище. В одной школе мы с тобой не учились — такое чудо я бы запомнил, да и здесь ты не жил. В этой квартире Мария Евдокимовна жила, фамилию не помню.

— Стелькина была ее фамилия, — фыркнул Кузьма. — Маманька моя. Я тебе что, самозванец? Скончалась маманя в конце 44-го... — Алкоголик скорчил приторно-скорбную гримасу, даже шмыгнул носом. — А я с маманей не жил, я на Волханке обрелся... не сладились у нас с маманей как-то...

— А померла — и вот ты здесь, — констатировал Павел. — Да и правильно, Кузьма, чего жилплощади пропадать? Признавайся, сидел?

— Сидел, — икнув, признался Кузьма. — Так, по мелочам, подумаешь, одному бурому фраеру по сушалам надавали... На четыре года закрыли, с... — слово осталось недоказанным, Кузьма смутился. — С марта сорок первого по март сорок пятого отбывал, начальник, под Иркутском...

— То есть война для тебя прошла неплохо, — констатировал Журбин. — Вернулся в родные пенаты уже после оккупации, тут и маманька, слава богу, отмучилась... Работаешь?

— Да, конечно. — Кузьма вздрогнул. — Нет, не совсем, начальник... Грузчиком работал в продмаге на Чичерина, но ушел, здоровье стало пошаливать... Ты не волнуйся, начальник, — затараторил сосед. — Гадом буду, обязательно устроюсь, и недели не пройдет... Я же не тунейдец какой-то, всегда работал...

— Смотри, Кузьма, — погрозил пальцем Журбин. — Теперь ты у меня на карандаше. Буду следить, чтобы ты в кратчайшие сроки человеком стал... Ну все, бывай, уступи дорогу, не вместе же нам из дома выходить.

Кто-то с ним здоровался, кто-то улыбался — и даже не натянуто. Другие глядели косо, отводили глаза. Во дворе перекликались горластые бабы, лаяла собака. В темной подворотне пахло отнюдь не парфюмом из Парижа. Он старался не хромать — приходилось прилагать усилия, напрямую связанные с болью. Голова пока щадила, выжидала. Павел пробился через местные трущобы, вышел на Турбинную улицу, как и прежде заросшую тополями. До центра здесь было километра полтора. Впрочем, центр в Белецке — понятие относительное и неочевидное. Город был разбросан, пустыри сменялись кварталами жилых строений, со всех концов населенный пункт подпирал частный сектор. Приличные здания — на улицах Народной, Первого Мая, Второго Коминтерна. Там традиционно располагались органы власти. Там же в годы войны сидела оккупационная администрация, окружившая несколько кварталов непробиваемыми заслонами. В Белецке до войны проживало порядка семидесяти тысяч душ. Не так уж много, но город считался важным транспортным узлом и промышленным центром. Здесь работали завод сельскохозяйственных машин, турбинный завод, трубопрокатный завод. Круглосуточно гудела узловая железнодорожная

станция, пропускающая поезда с запада на восток и с севера на юг. В июне сорок первого советские войска оставили Белецк без боя — уходили в спешке, чтобы не попасть в окружение. Немцы летом 44-го тоже не особенно цеплялись за город — бежали, как только на горизонте появилась Красная армия. Так что город практически не разрушили — в отличие от его промышленности, которая к сентябрю 45-го пребывала в плачевном состоянии.

Но отдельные предприятия работали, гремела и лязгала железная дорога. В воздухе ощущался так и не забытый запах чего-то едкого, в том числе «жареного» железа. Постоянная сырость эти запахи только усиливала. Городская растительность почти не помогала. Павел пересек сквер, пропустил грохочущую колонну грузовиков, вышел на улицу Народную. Немцы в оккупацию ее название не меняли — против слова «народ» ничего не имели. Люди рассказывали, что здесь вся улица — от горсовета до горисполкома — была завешана алыми полотнищами со свастикой в белом круге...

Лучше бы асфальт положили! Павел чертыхался, обходя лужи. Дороги в городе так и остались грунтовыми — с небольшим содержанием щебня. Асфальт имелся только на улице Первого Мая, где находился горком партии. Павел покурил на ходу, вошел во двор городского отдела РКМ*. Здание было кирпичное, трехэтажное, в плане формировало букву

* РКМ — Рабоче-крестьянская милиция.

П. Двор был выметен, украшен газовыми фонарями. Справа гараж, слева — беседка для «рабочих» перекуров. У фасада стояли машины — неубиваемая «эмка» довоенного образца, трофейный «Фольксваген», советская полуторка, ГАЗ-ММ-В с брезентовым верхом — с виду та же полуторка, только с укороченным кузовом и дешевая в производстве. Подобный транспорт использовался на фронте для перевозки раненых, доставки к месту выполнения задачи небольших групп пехоты.

От капота последней оторвался водитель — долговязый, в форме под промасленной фуфайкой, с простодушной физиономией. Смерил взглядом подходящего капитана, стал вытирать ветошью руки.

— Товарищ капитан?.. Вы ведь Журбин? Это вас назначили старшим оперуполномоченным?

— Так точно, товарищ милиционер, — Павел усмехнулся. — Это так заметно?

Он протянул руку. Водитель в фуфайке охотно ее пожал.

— Ну да, говорили, что вы сегодня выходите... Пахомов Алексей, я тут по совместительству баранку кручу... Вы вроде здесь работали, а в 37-м с семьей в Минск переехали... В лейтенантах тогда еще бегали, верно? Не помните меня?

— Смутно, Алексей, — признался Павел. — Вроде знакомо твое лицо, но не поручусь. Сколько воды утекло.

— Это так, — вздохнул водитель. — Здесь из прежних практически никого не осталось, все умер-

ли. В войну в этом здании полицейский участок был, наши еще шутили, что надо полную дезинфекцию проводить, чтобы никакой заразы не осталось. Ей-богу, противно было после этих тварей на тех же стульях сидеть, в тот же толчок ходить... Я в прошлом году после ранения на Втором Белорусском сюда вернулся. Вас тоже смутно, но помню. Веселый вы тогда были — да и помоложе, что уж греха таить... Ладно, товарищ капитан, не хочу вас задерживать.

Журбин направился к крыльцу.

— С семьей-то вашей все в порядке? — спросил в спину Пахомов.

Павел сделал вид, что не расслышал. Отворил тяжелую дверь, вошел в фойе, показал свои бумаги дежурному. Лейтенант козырнул, украдкой разглядывая нового сотрудника, указал на лестницу в глубине зала. Дико разболелась нога, пришлось остановиться у начала пролета. В голову словно сверло вогнали — как это вовремя, черт побери... Он начал взбираться по ступеням. Родители умерли здесь, в Белецке, в начале 43-го. Уезжать в эвакуацию отказались, не представляли, что все так затянется. Павел не мог за ними проследить — служил в действующей армии. Зима в тот год выдалась, мягко говоря, не жаркой. Плюс постоянная сырость, характерная для Белоруссии, усиливающая холод. Оба были больны, плохо ходили, нечего было есть. Соседи вошли — дверь оказалась не заперта, обнаружили уже остывшие тела... Жену Алену и дочку

Соню Журбин отправил в эвакуацию еще в июне сорок первого — немцы как раз рвались к Минску. Было много сложностей, препятствий, бюрократических проволочек. Но прорвались, эшелон отправился на восток под непрекращающимися бомбежками. Алена с дочкой жили в Костроме, супруга преподавала в школе, дочурка посещала детский сад. Топили буржуйку, добывали еду. Третьего июля сорок четвертого Красная армия освободила Минск. Алене не терпелось вернуться домой, помчались сразу же, чуть ли не первым эшелонам. Обстрелы еще не прекратились. Озлобленные фашисты били из пушек, самолеты-штурмовики прорывались в воздушное пространство. Бомба искорежила шпальную решетку перед несущимся паровозом. Машинист не успел затормозить. Эшелон на полном ходу полетел под откос. Было страшное месиво. Алена с Сонечкой не выжили, их буквально раздавило. Журбин знал, что они едут этим поездом, отпросился у командования, примчался на место трагедии — благо часть дислоцировалась под Минском. Выл от отчаяния, помогая людям растаскивать фрагменты вагонов, вынимать тела. Окаменевший, поседевший за час, стоял над искореженными телами родных людей, не веря, что такое случилось на самом деле. Горе не отпускало, становилось только хуже. Просился на самые опасные участки фронта, искал смерти — но так и не повезло, выжил. Только тот случай на Зееловских высотах, когда был на волосок от смерти, когда погиб